КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО «ПЕЛАГСКОМУ» ЯЗЫКУ

Словарный фонд древнегреческого языка содержит значительное количество слов, корни и суффиксальные элементы которых нельзя удовлетворительно истолковать как индоевропейские. Поэтому уже давно возникла мысль о заимствовании этих чуждых греческому языку слов из какого-то древнего языка неизвестного народа, населявшего территорию Греции до переселения греческих племен в район Средиземного моря. Среди словообразовательных элементов особенно выделяется суффикс *-nth-*, встречающийся в огромном количестве в топонимике почти всех областей Эгейского мира: в собственно Греции, на островах и в Малой Азии. В связи с этим весь слой чуждых древнегреческому языку слов первоначально получил наименование «эгейского» («ägäisch»), причем обычно подразумевается неиндоевропейский характер этого слоя. Этот термин и сейчас принят в большинстве индоевропейских этимологических словарей. К 1-й четверти XX в. были составлены обширные списки подобных слов¹.

Начало научного изучения догреческих элементов связано с именем знаменитого венского лингвиста П. Кречмера. В своем «Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache» он первый поставил исследовавшие в этой области на вполне научную основу. Систематически исследовав все малоазиатские суффиксы, встречающиеся на греческой почве как в именах нарицательных, так и в собственных, Кречмер пришел к выводу, что догреческие элементы принадлежат к языку какого-то догреческого народа, пришедшего на территорию Элады из Малой Азии до греков. Он сформулировал и подробно разработал теорию о неиндоевропейском характере народов, населявших бассейн Эгейского моря до переселения греков, которые в качестве первых индоевропейцев могли проникнуть туда только в конце II или в начале I тысячелетия². Поддержанная замечательными работами А. Фикка³, эта теория была

единодушно воспринята всеми и неизбежно просуществовала на протяжении всей первой четверти XX в.

Господство теории Кречмера было поколеблено дешифровкой Б. Грозным в 1915—1917 гг. текстов хеттского клинописного письма. Хеттский язык оказался индоевропейским языком, одновременно архаическим и достаточно развитым, существовавшим между 2000—1200 гг. до н. э. В свете новых фактов период индоевропейской общности отодвигался к более далекому времени, чем предполагали ранее, а мысль, что греки были первыми индоевропейцами в бассейне Эгейского моря, отвергалась⁴.

В связи с этим Кречмер переработал свою первоначальную эгейско-малоазиатскую теорию, предположив, что догреческий субстрат имел одновременно два слоя: неиндоевропейский слой и протоиндоевропейский⁵. Новый взгляд Кречмера не был принят. Большинство ученых продолжало придерживаться теории о неиндоевропейском характере догреческих элементов⁶.

Принципиально по-новому подошел к решению догреческой проблемы В. Георгиев. Отбросив как неиндоевропейскую, так и протоиндоевропейскую теорию догреческих элементов, он предположил, что доэллинскую Грецию населял народ, говоривший на индоевропейском языке, родственном хеттскому, лувийскому и другим древним ин-

namen als Quelle für die Vorgeschichte Griechenlands, Göttingen, 1905; см. также продолжение указанной работы: «Hattiden und Danubier in Griechenland» (Göttingen, 1908).

¹ См. М. L e j e u n e, Linguistique préhellénique, «Revue des études anciennes», t. XLIX, № 1—2, 1947, стр. 25 и сл.; см. также: В. Г е о р г и е в, Вопросы родства средиземноморских языков, ВЯ, 1954, № 4, стр. 57; е г о ж е, Проблема возникновения индоевропейских языков, ВЯ, 1956, № 1, стр. 43 и сл.; е г о ж е, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958, стр. 90 и сл.

² См. П. К р е т с ч м е р, Die protoindogermanische Schicht, «Glotta», Bd. XIV, 1925, стр. 300 и сл.

³ Подробный обзор работ в области догреческих языков, вышедших до 1937 г., дан болгарским ученым В. Г е о р г и е в ы м в его «Vorgriechische Sprachwissenschaft» (Sofia, 1941, стр. 13—59).

¹ См.: J. H u b e r, De lingua antiquissimorum Graeciae incolarum, Vienna, 1924 («Commentationes Aenipontanae», IX); A. D e b r u n n e r, Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. IV, Hf. 2, Berlin, 1926, стр. 525 и сл.

² См. П. К р е т с ч м е р, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen, 1896, стр. 408.

³ См. А. F i c k, Vorgriechische Orts-

доэвропейским языкам Малой Азии. Он впервые высказал эту гипотезу в работе «Die Träger der Kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache» («Годишник на Софийския университет», ист.-филол. фак-т, т. XXXIII, кн. 4 и т. XXXIV, кн. 3, 1937—1938) и затем переработал в «Vorgriechische Sprachwissenschaft».

Исходящим пунктом теории В. Георгиева послужил тот факт, что некоторые слова и словообразовательные элементы догреческого слоя, считавшиеся неиндоевропейскими, обнаруживают этимологические связи с другими индоевропейскими языками. Они могут быть по происхождению индоевропейскими, если их рассматривать не с точки зрения греческого фонетизма, которому они противоречат, а иметь в виду другой, тоже индоевропейский язык, откуда они проникли в греческий¹. Анализируя достаточно регулярные отклонения от индоевропейского языка-основы, наблюдаемые в корнях и морфемах слов догреческого слоя, В. Георгиев реконструировал систему фонетических закономерностей догреческого языка, подтверждая свои выводы большим числом убедительных этимологий. Наиболее существенные черты этой системы проявляются в трактовке так называемых индоевропейских палатальных, свойственной языкам группы *satəm* (и.-е. $*\tilde{g}$, $*\tilde{g}h$, $*\tilde{k} > s$ или β , z или d), и *r* «передвижению» согласных. аналогичном «передвижению» в армянском языке (и.-е. $*p$, $*t$, $*k > ph$, th , kh ; и.-е. $*b$, $*d$, $*g > p$, t , k ; и.-е. $*bh$, $*dh$, $*gh > b$, d , g)². Этот догреческий язык-субстрат был назван В. Георгиевым в окончательном варианте «догреческим» индоевропейским («Vorgriechische indogermanische Sprache») или «пелагским» («Pelagische Sprache») — термины совершенно условные, так как название народа, говорившего на этом языке, по-прежнему неизвестно. Гипотеза В. Георгиева вызвала всеобщий интерес. Обе работы болгарского ученого, особенно «Vorgriechische Sprachwissenschaft», широко рецензированы³. Несмотря на пер-

воначальный скептицизм, многие ученые с течением времени изменили свое отношение к теории В. Георгиева и признали ее основные положения⁴.

Разработкой проблем пелагского языка, как теперь большинство называют догреческий язык, реконструируемый В. Георгиевым, продолжают заниматься, кроме В. Георгиева, А. И. Вал-Виндененс, В. Мерлинген, А. Карнуа и некоторые другие. За немногим исключением работы носят узко этимологический характер, поскольку главная задача этой новой отрасли индоевропейского языкознания на данном этапе заключается в собирании материала для установления строго определенного лексического фонда пелагского языка, что позволит впоследствии с большей достоверностью реконструировать его фонетические, морфологические и словообразовательные особенности.

Задачам выявления лексического фонда пелагского языка посвящен второй раздел статьи В. Георгиева «Inscriptions minoennes quasi-bilingues» («Годишник на Софийския университет», ист.-филол. фак-т, т. XLVI, кн. 4, 1949—1950, стр. 1—85). В указанном смысле это самая значительная работа В. Георгиева за обозреваемый период. Во втором разделе «Problèmes du vocabulaire préhellénique» (стр. 38—57) автор целиком опирается на достигнутое в «Vorgriechische Sprachwissenschaft». Небольшое введение дает краткую характеристику фонетики «пелагско-филистимской» группы и некоторые черты языка минойских надписей (стр. 39)⁵. 1-я глава второго раздела «Termes grecs, préhelléniques et étrusques prétendus pré-indoeuropéens» содержит анализ списка «эгейских» элементов, опубликованного М. Вентрисом в сб. «The languages of the Minoan and Mycenaean civilizations» (London, 1950). Эти элементы, проявляющиеся одновременно и в греческом, и в этрусском или латинском, считаются им. «по-видимому, неиндоевропейскими».

В список входят такие важные для разрешения пелагской проблемы догреческие слова, как *αἶσαςος* — этрус. *ais, eis*; *ἀνάξ* — этрус. *purisvacii*; *βασιλεύς* — этрус. *faste, fasi*; *ἐλαία* — лат. *oliva*; *κοπίρσος* — лат. *cypressus*; *οἶνος* — лат. *vinum*; *οἶκον* — лат. *ficus*; *πρῶτανς* — этрус. *purve*; *τρῶτινή* —

¹ V. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, стр. 59—62; его же, Вопросы родства..., стр. 58; его же, Исследования..., стр. 91.

² Фонетическая система «пелагского» языка подробно изложена в «Vorgriechische Sprachwissenschaft» (стр. 62—77) и кратко воспроизведена в статье «Вопросы родства...» (стр. 58) и в книге «Исследования...» (стр. 92).

³ «Vorgriechische Sprachwissenschaft», стр. 12.

⁴ См. библиографию благожелательных рецензий в статье В. Георгиева «Вопросы родства...», стр. 59, примеч. 48; см. также Н. М. Ноевигсвалд, «Language», vol. 19, № 3, 1943, стр. 269—272 и vol. 24, № 2, 1948, стр. 198—199; P. Demargne, REG, t. LXI, № 286—288, 1948, стр. 458—459. Отрицательно высказались: P. Kretschmer, «Glotta», Bd. XXVII, 1938, стр. 2 и сл.; F. Spross, «Deutsche Literaturzeitung», Jg. 64, 1943, стр. 350 и сл.; L. Dégouy, «Antiquité classique», t. XVI, fasc. 2, 1947, стр. 393 и сл.

⁵ П. Кречмер в большой статье «Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten» («Glotta», Bd. XXVIII, 1940, стр. 231—278 и Bd. XXX, 1943, стр. 84—218) тоже переработал свою «протоиндоевропейскую» теорию. О концепции П. Кречмера см.: В. Георгиев, Вопросы родства..., стр. 59 и сл.; его же, Исследования..., стр. 98 и сл. Ср. В. Пизани, Общее и индоевропейское языкознание, М., 1956, стр. 185 и сл.

⁶ В скобках здесь и далее даются страницы рассматриваемых работ.

этрус. *trulnvt, trulnuθ* и т. д., всего 17 пар (стр. 40). В. Георгиев, последовательно останавливаясь на каждом слове, доказывает, что все они по происхождению индоевропейские. В этой главе есть новые этимологии: *αἶσχος* «ветка мирта или лавра» < и.-е. **ois-* (стр. 40 и сл.); на связь с этрус. *ais* «бог» впервые указал А. Неринг [A. Nering, Griech. τίταξ, τίτηνη und ein vorgriechisches k- Suffix («Glotta», Bd. XIV, 1925, стр. 183)]; *κέραμος* «ваза» < и.-е. **k^uer* (*o*)-*mo-s* (стр. 42); *κλήριστος* < **k^uph-ar-* (стр. 43).

Особенно важна 2-я глава второго раздела «Mots grecs d'origine préhellénique», так как в ней дано 40 совершенно новых этимологий слов пелазгского языка. Среди них такие интересные, как *ἰμέσωφοροπλιτα*: (гlossа Гесихия) «лопатка» < и.-е. **omesō* (*u*-) (стр. 48), ср. лат. *imerus* «плечо»; *ἄρακος* «вид гороха» (стр. 48) < и.-е. **orog^h-os*, ср. греч. *ἄροβος*; *λαμβάνω* «брать» < и.-е. *(*s*)*labh-*, ср. санскр. *labhate* (стр. 51); *ναίω* «обитать» < **na^sso* (ср. аор. *ἔνασ-σα, νόσ-σα*) < и.-е. **nes-^hnos* (стр. 52) и того же корня *νῆρος* < **na^ser^hos* «храм (жилище бога)» (стр. 53); *πηγή* «текущая вода, источник», **pe^hg^hos* «бегущий, быстрый» < и.-е. **b^heg^h-ā-*, ср. литов. *bėgu* «бежать», ст.-слав. *бѣгъ* и др. (стр. 54).

Ряд работ В. Георгиева выдвигает сложные и во многом еще дискуссионные проблемы классификации и родства древних индоевропейских языков Средиземноморья.

Определяя место пелазгского языка, В. Георгиев включает его в «южноиндоевропейскую» группу вместе с ликийским, персидским «хеттским», этрусским, лидийским (каррийским), лувийским и хеттским (В. Георгиев, Проблема возникновения индоевропейских языков, ВЯ, 1956, № 1, стр. 66), в то время как греческий и фракийский отнесены им к «центральноиндоевропейской» группе (там же)¹.

Мысли об общем родстве пелазгского языка с «анатолийскими» языками («южноиндоевропейская» группа В. Георгиева) высказывает также Карнуа (A. Carnou, Dictionnaire étymologique du proto-indo-européen, Louvain, 1955, стр. VIII; см. также: его же, Dialectologie proto-indo-européenne, «Orbis», t. 1, № 2, 1952, стр. 423).

К совершенно иным выводам приходит Вап-Виндекенс в «Заключении» своей книги «Le pélasgique» (Louvain, 1952, стр. 151—159). Специально отметив «очень тесные лексические связи пелазгского с германским и балто-славянским языками», Вап-Виндекенс утверждает, что пелазгский язык принадлежал к западной индоевропейской группе. Он помещает пелазгский язык в середину между германским и балто-славянским, причем близость этих языков,

по его мнению, существовала еще в период индоевропейской общности (стр. 153)².

Целям классификации древних «балкано-азиатических» языков посвящена статья В. Георгиева «Etat actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balkano-asiatiques» (АО, XVII, 1, 1949, стр. 275—287). Излагая в ней наиболее важные из достигнутых результатов в области изучения пелазгского языка, автор приходит к выводу, что приблизительно из 2500 слов, рассматриваемых Фикком под влиянием ошибочной теории Кречмера как неиндоевропейские, большая часть оказалась в довом освещении догреческими индоевропейскими, меньшая — греческими и еще меньшая часть — фракийскими, иллирийскими и т. д. (стр. 279). В основном те же задачи и идеи нашли выражение в аналогичной по построению, но в значительно большей по объему статье В. Георгиева «Вопросы родства средиземноморских языков» (стр. 42—75). Следует отметить, что в этой работе В. Георгиев под влиянием дешифровки памятник линейного письма В, язык которых оказался чисто греческим, совершенно отказался от своего ошибочного взгляда на язык микенских надписей как на один из догреческих диалектов³. В той или иной форме эта мысль отразилась во многих предшествующих работах В. Георгиева [см.: «Inscriptions minoennes...», «Etat actuel des recherches...», «Проблемы минойского языка» (София, 1953, стр. 14 п. сл.)].

Вполне заслуживает внимания гипотеза В. Георгиева относительно миграции пелазгов в Палестину⁴. Болгарский ученый находит в библейской традиции, согласно которой филистимляне пришли в Палестину с острова Карфог (Крит); с другой стороны, в Одиссее (и. XIX, ст. 172 и сл.) пелазги упоминаются в числе пяти племен, населявших этот остров. При помощи лингвистического анализа автор устанавливает идентичность имен Πελασγοί, древнееврейского *P^hilistim* и египетского *Pršt*. Он предпологает, что Πελασγοί произошло из *Πελαστοί в результате народной этимологии: Πελαστοί было понято как *Πελαγ-στοί (или

² Подобные идеи всегда вызвали резкие возражения у В. Георгиева (см.: «Inscriptions minoennes...», стр. 38; «Вопросы родства...», стр. 60; «Проблема...», стр. 45 и сл., 57 и др.); он включает балто-славянский и германский в «северноиндоевропейскую» группу («Проблема...», стр. 63).

³ Ср. В. Георгиев, Введение в чтение и толкование крито-микенских надписей, ИАН ОЛН, 1955, вып. 3, стр. 271; см. также его же, La colonie créto-mycénienne, «Études mycéniennes», Paris, 1956, стр. 173 п. сл.

⁴ V. I. Georgiev, Sur l'origine et la langue des pélasges, des philistins, des danaens et des achéens, «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», Bd. I, Hf. 2, 1950, стр. 136—141. Основные положения этой статьи воспроизведены В. Георгиевым с небольшими дополнениями в названном труде «Исследования...» (стр. 102 и сл.).

¹ Ср. В. Георгиев, Исследования..., стр. 281 и сл., где пелазгский включен во фракийско-пелазго-термилскую подгруппу, которая «представляет переход между центральной и южной группами», и отнесен к центральноиндоевропейской группе.

*Πελασγοί) «морские люди», что является производным от πέλαγος «море». Ср. Πελαστική вместо Πελαστική в схолии к Илиаде (п. XVI, ст. 233) и чтение Гесиохия Πελαστικόν вместо Πελασγικόν. Отсюда мысль, что филистимляне — это пелазги, колонизовавшие в конце микенской эпохи часть страны, которая до сих пор носит имя Палестины.

Действительно, в древнееврейском сохранилось несколько слов, которые автор определяет как пелазгско-филистимские. Самое интересное *sʿrān* «царь», родственное пелазг. *túrannos* и греч. *κάρωνος*. (Греч.) *túrannos* впервые объяснено В. Георгиевым как заимствование из пелазгского в обширной статье «État actuel des études de linguistique préhellénique» («Studia linguistica», année II, № 2, 1948, стр. 69—92), популяризирующей основные положения «Vorgriechische Sprachwissenschaft»: *túrannos* (< пелазг. **surannas* или **suranas*) вместе с аттич. *κάρωνος* и эол. *κάρωνος* «глава, начальник» выводится из и.-е. *karasno-s*, из которого и филистим. *sʿrān*¹, и.-е.

**k̄* > пелазг. *s* или *β* (Ф); τ в *túrannos* — субституция пелазг. *β*; и.-е. **ṛ* > пелазг. *ur* (стр. 8 п. сл.)².

Ван-Виндекенс в специальной статье «Zum pelagischen Ursprung von gr. *túrannos*» (KZ, Bd. 74, Hf. 1—2, 1956, стр. 123—126) отвергает толкование В. Георгиева. По его мнению, в пелазгском существуют убедительные примеры только для перехода и.-е. **k̄* в пелазг. *s*³. Автор предпочитает сопоставить *túrannos* с греч. *δράνος* (или *δράνος · έργον, πράξις... δόναμις* «работа, труд... сила» (гlossа Гесиохия); *αδράνης* «бездеятельный, слабый, бессильный»; гомер. *δλιγοδράνέων* «бессильный, мало могущий сделать»). Все эти греческие слова — производные на -*n*- от и.-е. корня **derā-*

«работать», из которого без распространителя образовалось греч. *δράω* «делать, совершать». В связи с этим *tóra* (*vos*) с тем же распространителем -*n*- закономерно восходит к и.-е. **d̄rə-* (и.-е. **ṛ* > пелазг. *ur*; и.-е. **ṛ* > пелазг. *a*). Двойное -*nn-* в суффиксе из **n̄i-* или **ns-* в результате ассимиляции, происходившей уже в пелазгском; таким образом, пелазг. *túrannos* < и.-е. **d̄rə-n̄i-* или *d̄rə-ns-*. Несмотря на свою фонетическую привлекательность, этимология Ван-Виндекенса с семантической стороны выглядит малоубедительной.

В связи с этимологией имени Πελασγοί необходимо упомянуть книгу М. Будимира «Грци и Пеластии» (Београд, 1950), в которой самостоятельный лингвистический анализ имени Πελασγοί < *Πελαστοί (стр. 37 п. сл.) совпадает с анализом В. Георгиева⁴. По мнению Будимира, словарь, морфология и фонетика древнегреческого языка испытали на себе влияние более древнего индоевропейского языка, а именно языка «пеластов», занимавшего совершенно особое место среди индоевропейских диалектов: он не был ни языком *satəm*, ни языком *centum*, так как различал, с одной стороны, веларные и палатальные, а с другой — веларные и лабиовеларные. Эта работа Будимира во многом устарела, особенно в свете дешифровки крито-микенской письменности.

В статье В. Георгиева «Вопросы родства средиземноморских языков» имеется несколько новых пелазгских этимологий: βρέτας «деревянная статуя» < и.-е. **bhrédhos* (стр. 58)⁵; гомер. *γαία*, аттич. *γή* «земля, страна» и т. д. < и.-е. **ghaiua*, ср. греч. *χάος* «пустое пространство» (стр. 58); *δέωω* «орошать, проливать» < и.-е. **ghueō*, ср. греч. *χέ* (F) *ω* (стр. 59)⁶.

В конце 1958 г. вышла книга В. Георгиева «Исследования по сравнительно-историческому языкознанию», представляющая собой несколько расширенный курс лекций, прочитанных автором в 1956 г. на филологическом факультете МГУ. В третьем разделе 3-й главы «Открытие „пелазгского“ языка как пример нового способа применения сравнительно-исторического метода» (стр. 87—104) автор подвел итог своим исследованиям в области догреческих языков более чем за 20 лет и уточнил некоторые детали в связи с успехами расшифровки крито-микенских текстов. Весьма важен и четвертый раздел 3-й главы «Некоторые вопросы этногенеза греков на основе данных языкознания» (стр. 104—111), где высказываются интересные мысли от-

¹ Ср. В. Георгиев, Вопросы родства..., стр. 60.

² Заслуживает внимания 7-я глава указанной работы, посвященная доисторической этнической стратификации в бассейне Эгейского моря. Установив идентичность имен *Trōses* < **Trōses* с *E-trus-cī* < **Trus-cī* и *Tus-cī* < **Tu(r)s-cī* тоже из **Trus-cī* в результате метатезы, В. Георгиев приходит к выводу, что имена *Etruscī* и *Tuscī* — рефлекс двух миграций троянцев в Италию: первое название принадлежит древним колонистам, второе — более новым (стр. 88 и сл.). То же самое высказывает В. Георгиев в статье «Вопросы родства...», стр. 50 и сл. и в кн. «Исследования...», стр. 200 и сл. См. также А. С а г н о у, *Dictionnaire étymologique...*, стр. 167.

³ О необоснованности этого утверждения см.: W. Merling en, [реп. на кн.:] A. J. van Windekens, *Le pélasgique*, IF, Bd. LXI, Hf. 2—3, 1954, стр. 300; е г о ж е, *Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen*, Wien, 1955, стр. 4. О возможности перехода и.-е. палатальных в Ф (β), δ ср. В я ч. В. И в а н о в, Проблема языков *centum* и *satəm*, ВЯ, 1958, № 4, стр. 13 п. сл.

⁴ Ср. М. Будимир, *Protoslavica*, «Славянская филология. Сб. статей», II, М., 1953, стр. 115; в его работе «Pelastoslavica» («Rad JAZU», knj. 309, Zagreb, 1956, стр. 81—194) пелазги отождествлены с этрусками и установлены собственно этрусские, а не пелазгские параллели.

⁵ Ср. А. J. van Windekens, *Le pélasgique*, стр. 83 п. сл.

⁶ Ср. W. Merling en, *Das «Vorgriechische»*, стр. 56.

носительно времени распространения и миграций греческих племен на территории собственно Греции и на острове Крите.

Значительным событием в области догреческого языкознания явилась публикация в 1952 г. книги Ван-Виндекеуса «Le pélasgique», в которой автор, как говорится в предисловии, исходит из основных положений В. Георгиева. Работа представляет собой попытку систематизировать и во многом по-своему осмыслить факты пелазгского языка. Появлению книги Ван-Виндекеуса предшествовало несколько статей автора, материал которых он почти полностью использовал в своем «Le pélasgique». См. его: «Quelques survivances du mot pélasgique *akh eau, rivière, mer» dans l'onomastique grecque», *BzNf*, Jg. 1, 1949 — 1950, стр. 194 — 201; «Notes d'onomastique préhellénique: I. Les toponymes Γάρτος, etc. et Γαρτών; II. Les noms de la déesse Θέτις; III. Φοῖβος, építète du dieu Apollon», там же, Jg. II, 1950 — 1951, стр. 60 — 65; «L'origine de gr. πηλός, -πάθος et πλίνθος», «Antiquité classique», t. XIX, 1950, стр. 145—147; «Notes pélasgiques: I. Encore gr. πηλός, -πάθος et πλίνθος; II. L'origine de gr. ἐρέβινθος; ὄροβος; III. Le sens du toponyme Ἄργος», там же, стр. 397 — 401; «Eléments d'origine pélasgique dans la religion grecque», «Muséon», LXIII, 1 — 2, 1950, стр. 97—112. Любопытно отметить статью «L'origine asiatique de quelques noms du chef-roi en grec» («Muséon», LXI, 3 — 4, стр. 277 — 290), вышедшую в 1948 г., где Ван-Виндекеус трактует 4 пелазгских названия владетелей: Ἰναξ, βαλῆν, βασιλεύς и τύραννος — еще как фригийские, привлекая материалы армянского языка и тохарского А и Б¹.

Большим достоинством книги Ван-Виндекеуса («Le pélasgique») следует признать систематичность материала, стройность и ясность изложения. Книга состоит из трех основных частей, введения, заключения и подробнейшего индекса. «Введение» (стр. V—IX) коротко знакомит с историей вопроса. Первая часть «Фонетика» (стр. 3—22) не содержит принципиальных расхождений с предшествующими работами В. Георгиева. Автор дополняет фонетическую систему пелазгского языка, предложенную В. Георгиевым, реконструкцией перехода и.-е. *u между гласными и после g и l в пелазг. b: ἐρέβινθος «вид гороха» < и.-е. *ereu-, Терβινθεύς «эпитет Аполлона» < и.-е. *der(e) u-ent- (стр. 11). Иначе и подробнее, чем у В. Георгиева («Vorgriechische Sprachwissenschaft», стр. 65, 69), отмечаются рефлексы и.-е. *u в пелазгском языке, которое в начальном слове переходило в o и только в виде исключения сохранялось без изменения (ср. βρότικος «лягушка» < и.-е. *bhru-), тогда как во всех других слогах обычно сохранялось (стр. 4 и сл.). Вместе с тем на основе единственного примера παρθένος, которое Ван-Виндекеус выводит из и.-е. *per-th- (стр. 125), совершенно

напрасно отвергается предположение В. Георгиева, что и.-е. *k переходило в пелазгском в β или s и соответственно в греческом — в θ или σ («Vorgriechische Sprachwissenschaft», стр. 75 и сл., 95) (см. выше).

Во второй части «Образование имен» (стр. 25—57) автор также остается в рамках исследований В. Георгиева. Ван-Виндекеус впервые включил в догреческую систему словообразования, кроме суффикса -υθ-, другие суффиксы, содержащие носовую: -αμ-, -μν-, -υθρ-, -ρν- (стр. 42 и сл.). Но все же нам кажется неоправданным объединение под таким многозначительным заглавием немногих словообразовательных элементов, выявленных в пелазгском языке.

Наибольший интерес представляет третья часть «Лексика» (стр. 61—148). Слова даны в алфавитном порядке, причем в словарной статье содержится подробный обзор всех существующих толкований, что делает книгу Ван-Виндекеуса полезной в качестве справочника. В отличие от В. Георгиева, который исследует главным образом чисто греческие слова, интерес Ван-Виндекеуса за немногим исключением вызывают слова, уже издавна считавшиеся негреческими, такие, как βαλῆς, βάλινθος, κῆθρονος, βρέτας, θίασος. Поэтому у него значительно больше мадоубеительных этимологий, чем у В. Георгиева. Однако почти все этимологии В. Георгиева Ван-Виндекеусом отвергаются и часто совершенно необоснованно. Из приблизительно 180 этимологий болгарского ученого он окончательно признает только 20 (стр. VI, VII и сл.). Среди отвергнутых этимологий такие, как κωνίω < и.-е. *gu-ne- («Vorgriechische Sprachwissenschaft», стр. 90); βάζκανος, ср. лат. *fascinum*, греч. φάσκω; β'ά-τιου δασμοί φρυγ'άνων (гlossa Гесхия) (там же, стр. 81); σιγή, ново-в.-нем. *sweigen* (там же, стр. 100); φάλλος, ср. греч. παύρος (там же, стр. 109); φάλαξ, ср. греч. πάλη (там же, стр. 110) и др.

Выдвигая вместо некоторых слов, разъясненных В. Георгиевым, свои толкования, автор дает далеко не лучшие этимологии. Например, неясно, почему βασιλεύς «царь» следует объяснять, исходя из санскр. bhās «свет, величие, могущество», а не из санскр. bhāga-h «от, который распределяет, господин»².

В этом смысле самым характерным примером служит интерпретация τύρακις «баниня». Ван-Виндекеус отвергает толкование В. Георгиева из и.-е. *dhr̥gh-is «укрепление» (ср. санскр. dhr̥gh-yati «ирочно строить») и предлагает свое из и.-е. *dhr̥g «смотреть, наблюдать», весьма сомнительное с семантической стороны (стр. 139)³. Вообще собственные этимологии автора (их около 50) часто очень субъективны; осо-

² Там же, стр. 15, где отгадывается предположение этимологии В. Георгиева.

³ А. Карпуа предпочитает этимологию В. Георгиева (см. «Dictionnaire étymologique...», стр. 73).

¹ Ср. А. Сагноу, Dictionnaire étymologique..., где все слова рассматриваются в качестве пелазгских.

бенно в толковании имен собственных (стр. 144—148)¹.

Следует, однако, отметить несколько удачных и вполне убедительных этимологий: $\mu\alpha\lambda\upsilon\beta\delta\omicron\varsigma$, $\beta\omicron\lambda\upsilon\beta\delta\omicron\varsigma$ <и.-е. **bhel-* «блестеть» (стр. 122 и сл.); $\tau\epsilon\rho\mu\iota\nu\theta\omicron\varsigma$ <и.-е. **der* (e) u- «дерево, дуб» (стр. 138) — объясняются лучше, чем у В. Георгиева (ср. «Vorgriechische Sprachwissenschaft», стр. 93, 108 и сл.); $\beta\acute{\epsilon}\lambda\iota\nu\theta\omicron\varsigma$ <и.-е. **bhēl-* «увеличиваться, надуваться», ср. греч. $\phi\alpha\lambda\lambda\acute{\omicron}\varsigma$ (стр. 79); $\beta\rho\epsilon\tau\alpha\varsigma$ < $\beta\epsilon\rho\tau\alpha\varsigma$ <и.-е. **bherdh-* «резать (из дерева)» (стр. 83)²; $\delta\omicron\nu\epsilon\omega$ <и.-е. **dhun-* ср. санскр. *dhūṅti*, греч. $\theta\upsilon\nu\omicron\varsigma$ (стр. 86). Интересно семантическое объединение $\theta\acute{\epsilon}\lambda\upsilon\rho\nu\alpha$, $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\rho\omicron\varsigma$, $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ ³ в одном и.-е. корне **tel-* «простирается, поверхность» (стр. 88 и сл.); $\kappa\iota\nu\delta\upsilon\nu\omicron\varsigma$ <и.-е. **qh^hen-dh-* «бить, толкать» (стр. 98 и сл.); $\kappa\upsilon\beta\epsilon\rho\nu\acute{\alpha}\omega$ <и.-е. **geu-* «гнуть, сгибать, вращать» — по способу управления (стр. 104 и сл.); $\kappa\omicron\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ <и.-е. **geu-*, ср. греч. $\gamma\acute{\omicron}\lambda\iota\omicron\varsigma$ и лат. *culleus* (стр. 101); $\chi\rho\acute{\nu}\omicron\varsigma$ <и.-е. **qg-no-*, пассивное причастие от *(s) *qer-* «резать», ср. греч. $\chi\epsilon\rho\upsilon$ (стр. 142). Заслуживает внимания раздел «L'élément pélasgique dans la civilisation méditerranéenne à la lumière du vocabulaire» (стр. 155—158). В нем пелазгские слова распределяются по семантическим группам: «животные», «растения», «техника», «религия» и т. д., что дает нам возможность представить некоторые черты культуры пелазгов.

К рассмотренной книге Ван-Виндекенса близка по замыслу работа Мерлингена «Das „Vorgriechische“ und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen» (Wien, 1955), выпущенная автором, как говорится в предисловии, в качестве введения к более обширному труду в области догреческих языков. Работу Мерлингена отличает несколько большая строгость и обоснованность толкований⁴.

¹ См. многочисленные, главным образом отрицательные, рецензии на книгу Ван-Виндекенса, в частности: В. Мерлинген, указ. рец., стр. 296—302; V. Pisani, «Paideia», t. VII, 1952, стр. 323—327; O. Haas, «Bibliotheca orientalis», Jg. X, № 3—4, 1953, стр. 137—138; O. Mason, REG, t. LXVII, 314—315, 1954, стр. 265—267; P. Chantraine, «Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», 3 sér., XXVIII, fasc. I, 1954, стр. 85—86. Библиографию остальных рецензий см. «Bibliographie linguistique de l'année 1952», стр. 90; 1953, стр. 109; 1954, стр. 122; 1955, стр. 99.

² Этимология принята В. Георгиевым («Вопросы родства...», стр. 58; «Исследования...», стр. 93).

³ Ср. W. Steinhauser, Zwei Wege der Wortdeutung, «MNHMNS XAPIN, Gedenkschrift P. Kretschmer», II, Wien, 1957, стр. 152—156, где $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ толкуется как «соленая вода» и выводится из пелазг. **hal-asā*, которое в результате диссимилиции произошло из **sal-asā*.

⁴ См. благожелательную в целом рецензию на книгу В. Мерлингена В. Я. В. Иванова, ВЯ, 1955, № 6, стр. 124—

Интересна по замыслу и оригинальна по материалу статья О. Хааса «Substrats et mélange de langues en Grèce ancienne» («Lingua posnaniensis», III, 1951, стр. 63—95). В обзоре исследований А. Блюменталля и В. Георгиева Хаас ставит важный вопрос о различиях между остатками догреческого индоевропейского языка, исследованного Блюменталем, и догреческим языком, реконструируемым В. Георгиевым⁵. Хаас подвергает исследованию некоторые слова, в которых греческое ψ , а также ξ развилось в положении перед *u* или начальным дифтонгом с *u*: $\psi\acute{\omicron}\lambda\lambda\alpha$ «блеха» сопоставляется с лат. *pulex*; $\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$ «душа», $\psi\acute{\omicron}\chi\alpha\tau\iota$ «дышать» сопоставляется с чеш. *řučati*; $\psi\epsilon\acute{\omicron}\delta\omega$, $\psi\epsilon\acute{\omicron}\delta\theta\omega\iota$ рассматривается как догреческая форма греч. $\pi\epsilon\acute{\omicron}\delta\theta\omega\iota$; $\xi\nu\nu$ <и.-е. **kun-t* <и.-е. **h₂nt-*, ср. греч. $\kappa\alpha\tau\text{-}\acute{\alpha}$ и еще несколько. Хаас считает, что эти слова составляют особый догреческий слой и не принадлежат ни к языку, выделяемому Блюменталем, ни к языку, реконструируемому В. Георгиевым. Интересный материал, связанный с толкованием пелазг. $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\omicron\nu$, рассматривается Хаасом в статье «'Ελαίον. Das Öl und die ersten Indoeuropäer Griechenlands» («Lingua posnaniensis», VII, 1959, стр. 54—76).

После «Le pélasgique» Ван-Виндекенс опубликовал сравнительно большое число работ, содержащих ряд пелазгских этимологий, иллюстрирующих основные положения его книги. Все статьи можно разделить на три группы: первая группа статей доказывает пелазгское происхождение нескольких греческих слов; вторая группа рассматривает ряд латинских слов как заимствования непосредственно из пелазгского, который был, по мнению автора, языком не только догреческим, но и доиталийским⁶; и в третьей подтверждается мысль о существовании тесных лексических связей пелазгского с германским.

1. $\pi\acute{\epsilon}\tau\rho\alpha$, $\pi\acute{\epsilon}\tau\rho\omicron\varsigma$ — ставится в связь с $\Pi\acute{\alpha}\tau\rho\alpha$ «название ликийского города» и выводится из и.-е. **bed-*, **bod-*. В $\Pi\acute{\iota}\nu\delta\omicron\varsigma$, $\Pi\acute{\iota}\nu\delta\alpha\sigma\omicron\varsigma$, $\Pi\acute{\alpha}\nu\delta\omega\nu$ (различные названия гор) тот же и.-е. корень с носовым инфиксом, т. е. **be-n-d-*, **bo-n-d-*. Предполагается, что и.-е. **d* > пелазг. *d* после носового зубного (см. «Le pélasgique», стр. 17). И.-е. **be(n)d-*, возможно, имеет двойной смысл: без инфикса обозначает «скалу, утес», с инфиксом — «возвышенность, выпуклость» (‘L’origi-

129, а также рецензии: G. Neuman, «Gnomon», Bd. 27, Hf. 5, 1955, стр. 370—373; M. Lejeune, BSLP, t. LI, fasc. 2, 1955, стр. 45—46.

⁵ А. Блюменталь предполагал, что отмеченные им догреческие элементы заимствованы из языка илирийского племени ‘Υλαῖοι (A. V. Blumenthal, Hesychiasten, Stuttgart, 1930, стр. 1 и сл.).

⁶ См. A. I. van Windekens, Deux mots latins d'origine prélatine, «MNHMNS XAPIN...», II, стр. 214; его же, Études sur le vocabulaire pré grec et pré latin, «Lingua posnaniensis», VI, 1957, стр. 10.

⁷ Ср. A. Carnoy, Dictionnaire étymologique..., стр. 55.

gine de grec πέτρα «rocher, roche», «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», Bd. II, Hf. 3. 1953, стр. 349—351).

ἄνθρωπος «человек» — вопреки предположению Г. Девото, что оно по происхождению македонско-илирийское и совершенно противоположно по значению греч. ἀντήρ¹ — рассматривается как пелазгское заимствование: часть ἀνθ(ρ)- <и.-е. *ant(r)-, которое само является именной основой на -i- с вторичным распространителем -r- от и.-е. корня *an- «дышать», ср. греч. ἄνεμος, лат. *anima*; эта основа без распространителя и в хет. *antuhhaš* «человек». Греч. ἀντήρ — из именной основы *an-r- от того же и.-е. корня *an-. Отсюда общий смысл, заключенный в пелазг. ἄνθρωπος, хет. *antuhhaš*, греч. ἀντήρ «существо, которое дышит, которое живет, существо одушевленное, живое», что подтверждается для ἀντήρ гомеровской формулой πατήρ ἀνθρώπων τε θεῶν τε (Одиссея, и. 1, ст. 28), где ἀντήρ — синоним ἄνθρωπος² («L'origine pélasgique du gr. ἄνθρωπος», «Orbis», t. III, № 2, 1954, стр. 521—523).

σμίθος «мышь»; σμίθηα. ὁ κατοικίδιος (гlossа Гесихия); σμίς-μῦς (там же) — ввиду семантической неудовлетворенности отвергается связь с греч. σμίλη «нож» (и.-е. *smēi-, smē-)³. Пелазг. σμίθος анализируется аналогично топонимам Σάμιθος, Σάρος, Σαμίονον (πέδιον) Σάμορνα — Σαμίрна и т. д., а также пелазг. ἀσμίθος «ванна», в которых пелазг. корневой элемент (a)sm-, sm- из и.-е. *(a)k-om-, *k-m- от и.-е. корня *(a)k- «острый, тонкий, острие; камень»; ср. греч. ἄκρα «мыс, вершина»; ἀκμή «острие, высшая точка и пр.»⁴. В связи с этим σμίθος (<и.-е. *ak- «тонкий, острый») первоначально обозначало не «мышь», а «землеройку» («Spitzmaus»), уничтожавшую вредителей и поэтому считавшуюся «домашней мышью» (ὁ κατοικίδιος μῦς). Ср. лат. *sorex* «землеройка» > франц. *souris* «мышь» («Griechisch. σμίθος», KZ, Bd. 71, Hf. 1—2, 1954, стр. 119—121).

τάρανθος — τάρανθρος — на пелазгское происхождение указывает прежде всего пелазг. суффикс-(α)νθ(ρ)- (см. «Le pélasgique», стр. 33, 44). На основе толкования Гесихия τάρανθος ζῶον ἐλάφω παραπλήσιον, οὗ τὰς δорὰς εἰς χιτῶνας χρῶνται. Σκοθεαί «подобно содранной шкуре оленя, которую скифы употребляют на хитоны, корневой элемент тар- прекрасно объясняется из и.-е. *dor- <и.-е. *der- «рвать», «снимать шкуру» («Zur pelasgischen Wortforschung», KZ, Bd. 72, Hf. 3—4, 1955, стр. 211—212).

βύνασ(σ)ος «бык, европейский би-

зов», синоним пелазг. βάλινθος⁵ — на пелазгское происхождение указывает суффикс-σ(σ)- <i-ḡ- или -ḡ-. Корневой элемент βονα- <и.-е. *bhuno- или *bh^hno- содержит и.-е. корень *bh(e)ḡ- «расти, вздуться». Первоначальное значение, видимо, «обладающий большим φάλλος» (ср. греч. φαλλός <и.-е. *bhḡ-). В статье уточняются также этимологии κάβων «осел» и κῆθρονος «шнурованный ботинок, котурн», впервые рассмотренные Ван-Виндекемом в «Le pélasgique» (стр. 96, 100) («Pelagisca», «Lingua posnaniensis», V, 1955, стр. 85—88).

αἰσιρνάω «господствую» — о пелазгском происхождении свидетельствуют несколько моментов: 1) суффикс -ρν-, встречающийся во многих пелазгских словах (см. «Le pélasgique», стр. 50 и сл.); 2) имя собственное Αἰσιρνῆ: πῶλις Τρωακί (гlossа Гесихия), способ образования которого весьма распространен в эгейской топонимике, ср. Κάλυρνα, Λάρμυρα, Μάθυρνα и т. д.; 3) в дорическом диалекте αἰσιρνάω соответствует форма αἰσιρνάω, αἰσιρνῆτης (или αἰσιρνῆτήρ) соответствует αἰσιρνάτας, что указывает на чередование -υ(μν)/-ι(μν), засвидетельствованное в пелазгском языке: ср. θέλυρνα — θῆλυρνοι (гlossа Гесихия) (см. «Le pélasgique», стр. 29 и сл.). Корнеобразующий элемент αἰσ- <и.-е. *oik- (или *aik-) «господствовать, быть в состоянии, мочь»; ср. санскр. *īśe*, *īśte*, *īśvā́rā*, авест. *is-*, *īśvan-* и т. д., все слова из и.-е. *eik- (или *aik-) («Griech. αἰσιρνάω, ein pelagisches Lehnwort», IF, Bd. LXII, Hf. 2, 1956, стр. 188—190).

λιγός, λιγυρός — в пелазгском корнеобразующем элементе λιγ- усматриваются три значения: 1) «ясный, громкий, сладкий (звучающий)»; 2) «гибкий, проворный» и 3) «быстрый»; объясняется из и.-е. *legh^h- «легкий в движении и весе; легко и быстро движущийся». Автор предполагает также, что пелазг. основа *ligu- (λιγυ-) могла образовать при помощи распространителя s имя народа Λίγους = лат. *Ligures* («Zur Herkunft und Erklärung von gr. λιγός, λιγυρός usw.», «Glotta», Bd. XXXV, 1956, стр. 208—213).

2. θρίαμβος (trsp. *triumphus*) — анализируется не как θρι-αμβος, а как θρ-ι-αμβος, где -ι-αμβ- суффиксальная часть слова. Причем корневой элемент θρ-, а также θιδρ- в θιδρ-αμβος вообще оставлены без объяснения. Для -ι- в ιαμβος необоснованно предполагается значение «движение, деятельность». Предпочтительнее этимология В. Георгиева («Vorgriechische Sprachwissenschaft», стр. 86), который в толковании первой части слова использовал гипотезу В. Бранденштайна. Согласно Бранденштайну, θρι-αμβος < *trih-αμβος < *τρεις-αμβος, и.-е. корень *tri- «три»; ιαμβος < *Fi-αμβος, и.-е. корень *hi-* «два», θιδρ-αμβος в результате диссимилиации

¹ G. Devoto, Griech. ἀνθρωπος, IF, Bd. LX, Hf. 1, 1949, стр. 63—71.

² Ср. В. И. Георгиев, Исследования..., стр. 62.

³ Ср. В. Георгиев, Vorgriechische Sprachwissenschaft, стр. 103.

⁴ См. также А. I. van Windeken, Le pélasgique, стр. 69 и сл.

⁵ Ср. В. И. Георгиев, Исследования..., стр. 113, 131, где βάλινθος рассматривается как фракийское слово.

из *θ:θур — «герренизованная» форма < *titur-, и. -е. корень $k^{u}etur-$. Словом приписывается значение «три шага», «два шага», «четыре шага»¹. Мысль о связи лат. *trimpus* — *trimpus* с пелазг. θρίαμβος и о заимствовании латинского слова не из эрусского, а непосредственно из пелазгского вполне вероятна («Gr. θρίαμβος et lat. *trimpus*», «Orbis», t. II, № 2, 1953, стр. 489—493).

bellum, др.-лат. *duellum* «война» — рассматривается как иллирийское или скорее пелазгское из и. -е. *dhu-el- (или вернее *dh^uп-el-). Та же и. -е. форма (вероятно, древнее причастие на -l-) в иллир. Δόλος «невострый (зипет Диониса)» (гlossen Геспехия). Удвоенное -ll- в *duellum* > *bellum* произошло из *-l₂- в результате ассимиляции. Аналогичный процесс в греч. θέλλα² («Zur Erklärung von lat. *bellum*», KZ, Bd 73, Hf. 1—2, 1955, стр. 115—116).

Подобным образом анализируется и лат. *bestia*, которому приписывается значение «дикий зверь»; *bestia* < и. -е. *dhuēs- (и. -е. *dhu- > иллир. или пелазг. *du-* > др.-лат. *du-* > лат. *b*). В связи с этимологией родственного лат. *bellua* первичное значение «дикий, хищный зверь» — из и. -е. *dhuēs(t)-la^u(ā), где второй корцевой элемент явно иллирийский, так как в пелазгском п. -е. *u интервокальное всегда давало b, Ван-Виндекенс склонен и *bestia* и *bellua* причислять к иллирийскому («Études sur le vocabulaire prégréce et prélatin», «Lingua posnaniensis», VI, 1957, стр. 9—13). В указанной статье лат. *tibia* рассматривается как чисто пелазгское заимствование; этимологически связывается с лат. *dubius*, откуда первичное значение «двойная флейта», а затем «флейта вообще», и возводится к и. -е. *dyeibhīā (и. -е. *dy- > пелазг. *iu- > лат. *t-*; и. -е. *ei- > пелазг. *ei* > лат. *i*) (там же, стр. 17—18).

satelles «телохранитель, спутник» — связывается с лат. *sodalis* «товарищ, приятель, член общества»; трактуется как пелазгское из и. -е. *sed- «видеть», субстантивировано — «место для сидения». Предполагается, что греч. σάτλλα πλειάς το ἄστρον (гlossen Геспехия) «Плеяда», σάτλα «колесница (рокошная)» относится к тому же самому и. -е. корню *sed-, но в значении «движущееся место» («siège mobile»), ср. русск. *сэдло*. Возможность такой дифференциации значений в и. -е. *sed- доказывает на большом сравнительном материале. Суффиксальный элемент -ll- < -l₂- как в *duellum* > *bellum* («l. origine de lat. *satelles*, garde du corps, satellite», «Orbis», t. V, № 1, 1956, стр. 198—202).

cibus «пища, еда, корм» — заимствовано

непосредственно из пелазгского, «языка догреческого-доиталийского», выводится из и. -е. корня *g^uiu- (< и. -е. *g^uei-), выражающего идею «жизни». Тот же корень в греч. βίος < и. -е. *g^uiuos «жизнь». Ван-Виндекенс считает, что греч. βίος значило не только «жизнь», но и «средства существования», ср. греч. βίотος, βιότη или βιότης и литов. *gyvatā* «жизнь, средства существования» также от и. -е. корня *g^uei-. Умбрск. *kebu* = лат. *cibo* «кормить» могло быть заимствовано как из латинского, так и из пелазгского.

corbis «корзина в виде пирамиды или конуса» — связывается с греч. κόρβις «вращающийся столб в виде трехгранной пирамиды с начертанными на нем законами». Пелазгское происхождение *κόρβις* доказывает Ван-Виндекенс в книге «Contributions à l'étude de l'onomastique pélasgique» (Louvain, 1954, стр. 15 и сл.); лат. *corbis* — (греч.) *κόρβις* возводится к и. -е. корню *ger- «вертеть, крутить и т. д.» с лабиальным расширителем *-bh-. В связи с пелазгским происхождением этих слов Ван-Виндекенс делает два заключения: 1) в пелазгском языке, из которого греческий и латинский заимствовали эти слова независимо друг от друга, уже имелись основы на -i-; 2) двоякая трактовка в пелазгском и. -е. *r₁, отразившаяся в чередовании *or/ur*³, свидетельствует о наличии двух различных пелазгских диалектов («Deux mots latins d'origine préitalique», «MNHMHΞ XAPIN...», II, стр. 213—219).

3. *τεύχω* «строить, сооружать» и *τεύχος* «орудие, инструмент» — объясняются как пелазгские слова из и. -е. *deug- и ставятся в связь со ср.-в.-нем. *ziugen* «производить» и др.-в.-нем. *gizing* «инструмент», которые обычно выводят из герм. *teug-, родственного и. -е. *deug-. Тот же и. -е. корень, только в нулевой ступени, *dug- образовал в пелазгском и *τεύχων* «луг»⁴ («τεύχω — τεύχος et τόξον, mots grecs d'origine pélasgique», «Orbis», t. IV, № 2, 1955, стр. 532—535).

κροσσός «кружка» — ставится в связь с герм. корнем *krōg-, из которого др.-в.-нем. *krug*, англо-сакс. *crōg* и др. возводятся к и. -е. *qr-ō-q- нулевой ступени от и. -е. корня *ger- «вертеть, крутить»⁵. Этот и. -е. корень, как и суффикс -σ(σ)-, представлен в пелазгском в группе *κροσφή*, *κροσδος* (см. «Le pélasgique», стр. 106). В связи с *κροσσός* на большом количестве примеров доказывается закономерность пелазго-германских лексических соответствий («Zur pelagischen Wortforschung», KZ, Bd, 72, Hf. 3—4, 1955, стр. 209—211).

δρῶσος «роса, влага» — соотносится к гот. *driusum* «падать, выпадать», англо-сакс.

¹ W. Brandenstein, θρίαμβος, θρίαμβος, θρίαμβος, IF, Bd. LIV, Hf. 1, 1936, стр. 34—38; ср. А. С ар но у, Dictionnaire étymologique..., стр. 25 и сл.; I. P u n h e i l, A propos Greek θρίαμβος, «Glotta», Bd. XXXIV, 1954, стр. 37—42.

² См. P. Chantraine, La formation des noms en grec ancien, Paris, 1933, стр. 252.

³ Другие примеры чередования *or/ur* см.: A. I. van Windekens, La pélasgique, стр. 7—8; ergo же, Contributions à l'étude..., стр. 58—59.

⁴ Ср. VI. Georgiev, Inscriptions minoennes..., стр. 56; греч. τεύχω < пелазг. *(s)teuk- < и. -е. *(s)teu(σ)k-.

⁵ См. VI. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, стр. 69.

drēosam «падать», др.-в.-нем. *trōren* «падать, капать, течь» и т. д., которые все из и.-е. **dhreus-* «падать, капать сверху»; нулевая ступень этого корня и.-е. **dhrus-* логично дает в пелазгском **dros-*, греч. *δρός* (ος) («Гр. *δρόςος* „Тан“», KZ, Bd. 73, Hf. 1—2, 1955, стр. 26—27).

κίως «сила, энергия» — объясняется из и.-е. **gūig-* «живой», известного до этого только из др.-в.-нем. *gūeh* и т. д. (>ново-н.-нем. *keck*) и латыш. *dziņa* «жизнь». Основа на *-u-* в **κίως* морфологически полностью совпадает с герм. основой на *-u-* — *kwi-ku-* (англо-сакс. *swicu, cucu*), которая противопоставляется герм. основе на *-wa-* — **kwikwa-*, проявляющейся в акад. *kyk(k)zan* (др.-исл. *kykr, kykr*). Значение *κίως* «крепкий, сильный» принимается и для пелазг. *κίωτες*, и его фрако-фригийского соответствия *Γίωvτες* и *Γίωv* — *Διονις*¹ («Pelasgisch *κίως* „Kraft, Energie“ und germanisch **kwiku*, **kwikwa* „lebendig“», KZ, Bd. 74, Hf. 3—4, 1956, стр. 239—242).

Стремление систематизировать и в какой-то степени обобщить довольно обширный этимологический материал, собранный учеными в области пелазгского языка, побудило А. Карнуа выпустить свой «Протоиндоевропейский словарь»². К сожалению, автор не вполне справился со своей задачей³. Около 40 новых пелазгских этимологий предложено Карнуа в ст. «Le substrat „pélasgique“ du grec. Nouveaux exemples» («Orbis», t. VI, № 1, 1957, стр. 135—144).

На фоне сравнительно большого числа чисто этимологических работ особенно ошутным недостаток в исследованиях по пелазгскому словообразованию. В этой связи большой интерес представляет статья Л. Деруа, определяющая общее семантическое значение догреческого суффикса *-vθ(ος)* < **-n θ(a)* (L. Deroy, La valeur du suffixe préhellénique *-nth-* d'après quelques noms grecs en *-vθος*, «Glotta», Bd. XXXV, 1956, стр. 171—195). Подробнее семантико-этимологическому анализу подвергаются 9 слов на *-vθος*. Автор считает, что в словах *λαβύρινθος* «подземное сооружение с некоторым числом скрытых галерей и коридоров»; *δλυνθος* «несозревший плод смоквы (фиги), представляющий собой мешочек (poche) с зернами»; *ἐρέβινθος* «стручок, растительная оболочка, содержащая плоды бобовых растений», и т. д. догреческий суффикс *-nθ(a)* служил для образования имен собирательных («noms collectifs») (стр. 192 и сл.). Эта мысль подтверждается несколькими примерами из хеттского языка, где, по мнению Деруа, суффикс *-nt-* встречается в том же или близком значении (стр. 194 и сл.).

Проблемы догреческой ономастики, осо-

бенно топонимии, всегда привлекали пристальное внимание многих ученых. За последнее десятилетие опубликовано большое число работ, исследующих факты догреческой ономастики в аспекте пелазгского языка. Но все эти работы страдают общим существенным недостатком: субъективностью и произвольностью большей части толкований, так как самые различные имена собственные объясняются по всему лингвистически реконструируемому и письменному не зафиксированному. Кроме того, невозможно представить, чтобы догреческая топонимика, распространенная по всему Средиземноморью, имела источником какой-то один догреческий язык. Отсутствие таких критериев, как однозначность этимологий с фонетической и семантической стороны, или хотя бы наличие пелазгского суффикса *-nθ-*, лишают большинство этимологий научной достоверности.

Определенный интерес представляют топонимические работы Ван-Виндекенса, в которых исследуются связи пелазгского языка с фрако-фригийским. На основе консонантного противопоставления пелазг. *k*: фрако-фриг. *γ* (оба из и.-е. **g* или **gʷ*) Ван-Виндекенс предполагает, что в парах *βρόχης*: *βρόγης* (греч. *Φρόγης* «фригийцы») < и.-е. **bhr-ug-* — нулевая ступень от п.-е. корня **bher-*⁴, гомер. *Κίχωνες*: *Γίχων* — *Γίχωντες* < и.-е. **gʷig-* — первые члены пар пелазгского происхождения, вторые фрако-фригийского⁵. Привлекая некоторый дополнительный материал, Ван-Виндекенс приходит к мысли о тесных этнических связях пелазгов с фрако-фригийцами: фрако-фригийцы, захватив некоторые области, заселенные пелазгами, настолько сильно ассимилировались с последними⁶, что «для восточных областей Средиземного моря следует говорить о смешанном народе, состоящем из пелазгов и фрако-фригий-

⁴ A. I. van Windekens, Contributions à l'étude de l'onomastique pélasgique, Louvain, 1954. Книга является продолжением «Le pélasgique» в области догреческой ономастики. См. рецензии на эту книгу: А. Карнуа, «Orbis», t. III, 1954, стр. 432—437; W. Merling, IF, Bd. LXII, Hf. 2, 1955, стр. 210—211; D. M. Jones, «Bibliotheca orientalis», Jg. XII, № 3—4, 1955, стр. 142—144; библиографические данные остальных рецензий см. в «Bibliographie linguistique de l'année 1954», стр. 78; 1955—стр. 62.

⁵ A. I. van Windekens, Le nom des Γίχωντες, стр. 59—61. На том же противопоставлении пелазг.: фрако-фриг. основано толкование *κίχ-υος* «лобедь» и *κίχωνος*. *κίχωνος* (гlossen Гесхиян) и фрако-фриг. *γύγης* «сказочная птица, возможно, выпь» (все слова < и.-е. **geug-* ≈ «кричать») (его же, Études sur le vocabulaire pré grec et pré latin, «Lingua posnaniensis», VI, 1957, стр. 13—17).

⁶ Его же, Le nom des Γίχωντες, стр. 60; его же, Contributions à l'étude..., стр. 25.

¹ См. A. I. van Windekens, Le nom des Γίχωντες, BzNF, Jg. VII, Hf. 1, 1956, стр. 59—61.

² A. Carnoy, Dictionnaire étymologique du proto-indo-européen, Louvain, 1955.

³ См. Л. А. Гиндиш, рец. на указ. словарь, ВЯ, 1958, № 5, стр. 128—132.

цев»¹. Для полноты библиографии указываем еще несколько статей Ван-Виндекенса: «βαχχος», BzNF, Jg. IV, 1953, стр. 125—128; «παλλας», там же, Jg. V, 1954, стр. 221—224; «Trois noms propres pélasgiques en -vθ-: I. Λέβινθος (et l'appellatif λέβινθοι· ἐρέβινθοι-; II. Σαβόλιθος (nom d'un général, Thuc., 2 80, 6); III. Τίρωνς», там же, Jg. VI, 1955, стр. 115—120; «Περσερόνη», там же, Jg. VIII, Hf. 2, 1957, стр. 168—171; «Γόγας», там же, стр. 171—172; «Sur les noms de quelques figures divines ou mythiques grecques: I. Ἄρως; II. Ἄρτεμις; III. Κρόνος; IV. Τάλως et Δαίδαλος; V. Χάρων», там же, Jg. IX, Hf. 2, 1958, стр. 161—172. Карнуа в статье «Le substrat „pélasgique“ dans la toponymie grecque» («Orbis», t. III, № 2, 1954, стр. 433—437) увеличивает число пелазгских имен собственных, собранных Ван-Виндекенсом в «Contributions a l'étude...».

О существовании тесных этнических связей между пелазгами и фракийцами высказывается и В. Георгиев в книге «Тракийский язык» (София, 1957) и в статье «Πριανός, Πριανός, Πριανή, Πριαντες, Priantae», (BzNF, Jg. IX, Hf. 2, 1958, стр. 202—204). Важный фактический и этимологический материал по топонимике Эгейского бассейна собран в его книге «Die altgriechischen Flußnamen» (Sofia, 1958), где рассматриваются многие названия пелазгского происхождения.

Интересен по замыслу труд Карнуа «Dic-

¹ Его же, Notes d'onomastique pélasgique: I. Le nom du divin Καλυς, II. Les toponymes Πέρινθος, Φάρος et Πάρος, BzNF, Jg. VII, Hf. 3, 1956, стр. 314; то же у В. Георгиева (см. «Исследования...», стр. 281).

tionnaire étymologique de la mythologie greco-romaine» (Paris, 1957), являющийся продолжением его «Протоиндоевропейского словаря»². Действительно, лингвистическая интерпретация мифологических имен в свете пелазгской гипотезы в известной мере расширяет наши возможности в этой области: например, *Silēnos* можно возвести к и.-е. **ǵhelā-* «вино», ср. фрак. ξίλαи «вино», греч. χάλις «плохое вино (грубое)» (стр. 184), но удачных, хорошо аргументированных толкований в словаре очень мало, подавляющее число этимологий дано без достаточных обоснований. Вряд ли можно считать доказательным простое предположение, что *Dardanos* < и.-е. **dher-* «быть смелым» (стр. 43), а *Perseus* < и.-е. **bherck-* «блестеть» (стр. 158), или ограничиться двумя взаимоисключающими толкованиями, как в *Persephonē* (стр. 159)³.

Недостатки целого ряда исследований по догреческим языкам, более четко выступающие в обобщающих работах Карнуа и Ван-Виндекенса, не случайны: они объясняются прежде всего весьма ограниченным числом достоверных этимологий и точных фактов. Дальнейшая работа в этой области может вести успешно при более строгих методологических принципах с привлечением нового материала.

И. А. Гандиш

² Анализ имен греческой мифологии начат А. Карнуа в статье «L'hypothèse pélasgique et la mythologie grecque», «Muséon», LXVII, 3—4, 1954, стр. 355—365.

³ См. M. F o w l e r, рец. на указ. кн., «Language», vol. 34, № 1, 1958, стр. 107—108.